

«Постсоветские государства: тупики политико-экономического развития на фоне политико-экономического многообразия»

Тема моего выступления касается современного состояния и перспектив постсоветского пространства. Тема, которая в последнее время вновь оказалась в фокусе внимания в связи с определенными политическими событиями. Мне хотелось бы абстрагироваться от этих политических событий - интеграционных проектов, парламентских выборов в Грузии и на Украине, приведших к заметным изменениям политического ландшафта в этих странах, и поговорить, на мой взгляд, о главной проблеме, которая, возможно, сегодня не включена напрямую в национальные повестки дня большинства постсоветских стран, включая и предвыборные дискуссии, но которая имплицитно в них присутствует. И более того, оказывает всевозрастающее влияние на судьбу государств, расположенных в этом политико-географическом регионе мира.

На сегодняшний день, если говорить о постсоветских государствах, то в литературе предлагаются разнообразные способы их группировки и классификации. На мой взгляд, единой схемы группировки быть не может, потому что слишком разнообразны условия, различны цели, с которыми подходят к этим государствам исследователи, проводя подобные классификации. Скажем, по территориальному критерию сегодня его разделяют три большие субрегиона – это новая Восточная Европа, в которую включают европейскую часть России, Украину, Белоруссию, Молдову, страны Южного Кавказа и отдельный субрегион – Казахстан и государства Средней Азии.

Я считаю, что использование этого старого термина – «Средняя Азия» – более корректное, чем пришедшего в начале 90-х годов из американской литературы термина – «Центральная Азия», который охватывает гораздо

большой по площади регион, включавший в себя Монголию, Афганистан, западные региона Китая.

Если мы говорим о постсоветском пространстве, то имеем в виду прежде всего эволюцию бывших советских республик Средней Азии, возникших на их основе новых независимых государств. Поэтому используем термин «Средняя Азия».

Наверное, можно сделать несколько классификаций постсоветских государств по типу политических режимов. Но даже здесь едва ли возможна одна общая классификация, поскольку слишком различаются взгляды исследователей, их подходы к оценке этих политических режимов.

Столь же сложна, наверное, будет классификация по экономическим моделям. На постсоветском пространстве есть страны с преобладающим влиянием частной экономики. Есть страны, где государство играет по-прежнему роль ключевого экономического игрока. До последнего времени, мне кажется, на постсоветском пространстве существовала страна с единственным типом неосоциалистической экономики – это Белоруссия. Сейчас ее неосоциалистическая экономика стремительно трансформируется.

По-разному можно оценивать политические системы постсоветских государств. И здесь, видимо, классификация необязательно будет совпадать с той, которую мы можем получить, группируя эти государства по признаку сходства политических режимов. Но, на мой взгляд, это не столь уж и важно. Это важно лишь в том смысле, что показывает, насколько значительно политическое и экономическое многообразие постсоветского пространства, которое, судя по всему, в этом плане будет только усиливаться.

В последнее десятилетие все чаще, развитие, рост этого многообразия – не только количественного, но и качественного – убеждает многих исследователей, аналитиков в том, что постсоветское пространство как некий политико-географический регион мира либо уже перестало существовать,

либо движется в этом направлении, то есть находится в процессе фрагментации и распада.

В качестве дополнительных аргументов приводятся не только ссылки на это растущее многообразие, но на такой важный аспект, как разновекторные внешнеполитические ориентации постсоветских государств. Одни из них, по крайней мере, на уровне официальных внешнеполитических доктрин по-прежнему считают своей главной целью европейскую интеграцию, хотя мы прекрасно понимаем, что эта цель на сегодняшний день находится за горизонтом планирования нынешнего поколения политиков. Кто-то пытается создавать субрегиональные организации. Такие попытки неоднократно предпринимались в Средней Азии. Существовала организация, главной целью которой была попытка ослабить российское влияние в регионе (ГУУАМ), объединения государств тюркских народов и т.п..

И на основании приведенных аргументов о различиях в экономическом развитии, внешнеполитических ориентациях, разнице политических режимов обычно делается вывод, что ничего общего между этими странами, этими государствами на сегодняшний день уже больше нет. Таким образом получается, что постсоветское пространство – это некая такая уходящая, если не ушедшая реальность.

Я придерживаюсь другой точки зрения. Она заключается в том, что постсоветское пространство, несмотря на все многообразие расположенных на его территории государств, все же существует. И главным доказательством его существования является однотипность или, по крайней мере, сравнимость внутриполитических порядков, несмотря на качественное разнообразие политических режимов. Иными словами, между государствами Средней Азии и продвинутыми странами новой Восточной Европы гораздо больше общего, чем это принято считать, если это посмотреть на них сквозь призму политической экономии, а не сопоставлять их по уровню внедрения институтов и норм процедурной демократии.

Более того, эти однотипные политические порядки порождают или уже породили однотипный или сходный характер властных и политических элит в этих странах, тех методов политического доминирования, которыми они используют. Говоря о политических элитах применительно к постсоветским странам, на мой взгляд, нужно сделать важную оговорку. В отличие от развитых демократий, где политические элиты представлены независимыми и самостоятельными корпорациями, в постсоветских государствах они поглощены бюрократическими элитами, являются производными от них. Такой четкой дифференциации, как мы видим в развитых демократиях, между политическими, административными, бизнес-элитами, на постсоветском пространстве не существует. А если она и существует, то выражена очень слабо. Напротив, дифференциация в последние годы становится все меньше, процесс идет в обратном направлении.

И в этих условиях возникает межстрановая солидарность элит, их заинтересованность во взаимной поддержке, равно как и поддержке контролируемых ими политических порядков, несмотря на, возможно, очень сложные двусторонние отношения между теми или иными постсоветскими странами и между всеми этими странами и Россией.

Ярким примером этого являются российско-украинские отношения. Ныне в правящих кругах России, наконец, стали понимать, что на Украине нет, и не может быть влиятельных пророссийских политических сил. Но, тем не менее, в Москве существует хорошо осознаваемая заинтересованность в сохранении на Украине нынешнего типа политической системы и политического порядка, обеспечивающем доминирование определенных групп элиты. Почему? Потому что это позволяет поддерживать систему взаимоотношений с Украиной на том уровне, на котором хотелось бы ее видеть правящим кругам в Москве. Если же предположить, что к власти в соседнем государстве могут прийти другие элиты, которые захотят изменить

свою страну, приблизить ее к Европе, это может нанести ущерб интересам российских правящих кругов.

В этом смысле российский политический порядок до сих пор служит ориентиром для властных элит практически всех постсоветских государств. До последнего времени существовала только одна столица на постсоветском пространстве, которая, по крайней мере, не хотела быть похожей на Москву, даже внешне, - это Тбилиси. Пока эта тенденция сохраняется, но как развитие событий в Грузии пойдет дальше – это отдельный большой вопрос, который нужно рассматривать специально.

Элиты всех остальных стран стремятся использовать российский опыт. Опять-таки наиболее яркий, на мой взгляд, яркий пример – это попытки россизации (именно руссизации, не русификации), украинской политики, которые проводились с приходом к власти президента Виктора Януковича. Они осуществлялись не под давлением из Москвы, вопреки распространенным идеологическим штампам и клише, а по настойчивому желанию самой ныне правящей украинской элиты, для которой российский политический порядок если не является образцом для подражания, то, по крайней мере, чрезвычайно эффективен и инструментален для решения сходных политических задач.

Да, конечно, Украина – не Россия, как писал бывший президент этого государства Леонид Кучма. Но и возможности у Виктора Януковича, Партии регионов, элит, связанных с этими институциями, - далеко не российские. Но, тем не менее, важно отметить динамику украинской политики, как она происходила вплоть до последних парламентских выборов. Эта динамика развивалась по российским «лекалам». Мы видим даже, как в украинской политике пытались копировать те или иные образцы российских политических решений.

В этом контексте воспринимаются как некорректные всевозможные пессимистические оценки и прогнозы о том, что Россия уходит с

постсоветского пространства, что ее оттуда вытесняют и т.д. Россия остается стержнем этого пространства, прежде всего, потому, что она для правящих элит большинства государств по-прежнему остается эталоном для подражания ее политического порядка. Россия экспортирует определенный тип политических порядков в соседние государства. Причем это происходит не вопреки, а как раз в полном соответствии с интересами правящих элит в странах постсоветского пространства.

Отдельный вопрос о принадлежности Балтийских стран к постсоветскому пространству. На первый взгляд, он кажется простым, поскольку давным-давно, сразу после распада Советского Союза эти страны дистанцировались от постсоветского пространства, не вошли в СНГ, а взяли курс на евро-атлантическую интеграцию. В конечном итоге они стали членами НАТО и Евросоюза, и в настоящее время эти государства относятся к иному политико-географическому региону мира – Большой Европе,

Иными словами, с этой точки зрения – политической идентичности стран Балтии, вопроса не существует, и было бы некорректно рассматривать их как часть постсоветского пространства. Но если посмотреть с другой стороны, а именно с позиций наличия в политике и экономике этих государств элементов постсоветских порядков, особенно в таких странах, как Латвия и Литва, здесь их дистанция от постсоветских государств будет уже не столь очевидной. По этому критерию Латвия и Литва находятся где-то в некоей переходной зоне между постсоветскими государствами и Эстонией. Эстония – это единственный, на мой взгляд, успешный проект создания постсоветского национального государства, которое уже интегрировалось в совершенно другой политико-географический регион мира и, несмотря на проблему русскоязычного меньшинства, никакого отношения к постсоветскому пространству не имеет. Но это своеобразный *unique case*.

Что же касается Латвии и Литвы, то, наверное, мы вправе сравнивать какие-то процессы, тенденции с теми, что существуют даже в далеко

недемократических странах постсоветского пространства. Я имею в виду прежде всего, такие критерии, как наличие системной коррупции, сращивание высшей государственной бюрократии и большого бизнеса, слабое влияние общества на принятие политических решений. Немалую роль в политике этих стран играет и такой фактор, как зависимость от российского рынка.

Итак, считать Латвию и Литву с точки зрения природы установившегося в них социального порядка полностью освободившимися от элементов «постсоветскости», на мой взгляд, было бы не корректно.

Если говорить о современном состоянии новых независимых стран, то за двадцать лет существования все они прошли огромный путь, и сегодня мы можем с уверенностью констатировать, что где-то к началу нулевых годов нынешнего столетия на территории бывших советских республик повсеместно сформировались новые национальные государства. Да, они различны по уровню внутривнутриполитической стабильности. Некоторые из них имеют проблему отколовшихся территорий. Другие балансируют на уровне того, что называется fail state, по крайней мере, весьма близки к этому состоянию. Но все это не является аргументом для утверждений о том, что процесс строительства национальных государств еще далек от завершения. Нет, национальные государства состоялись, сложились их элиты. Об институтах я скажу отдельно. Новые независимые государства могут быть более или менее устойчивыми. Но в целом процесс их формирования уже завершен.

Для того, чтобы понять особенности нынешнего этапа развития постсоветских государств, увидеть то, что не находится на поверхности, не включено в политические и предвыборные программы основных политических сил, я думаю, нужно попытаться описать тип социального порядка, который в них сложился, с более широких позиций.

Мне представляется, что этот порядок нельзя рассматривать ни в категориях транзита, трансформации и т.д. и даже не в категории гибридности, поскольку, на мой взгляд, понятие гибридности лишь фиксирует некую констатацию – наличия неких разнородных элементов в политике, экономике, но никак не описывает природу этого явления.

Трудность в изучении интересующего нас объекта заключается в том, что в результате адаптации старых советских порядков к новым институтам, которые были наложены извне (наложены – не в смысле навязаны, а импортированы, взяты в качестве образцов), произошли такие сложные изменения, «мутации», в результате которых сформировались, утвердились, неформальные и теневые практики и отношения. Со временем они приобрели устойчивый характер, поскольку в них были вовлечены многочисленные, хотя и разнородные социальные группы, которые ныне заинтересованы в поддержании и сохранении этих практик и отношений.

И именно поэтому институциональный анализ – будь то политический или экономический – подчас очень мало может дать для понимания того, как функционируют постсоветские общества.

Результатом синтеза советских разрушающихся структур и отношений с «имплантированными» на новую почву институтами стала вовсе не некая гибридность, а формирование некоего устойчивой общественно-экономической системы, которую условно (никаких устоявшихся терминов и определений в литературе нет) можно было бы назвать постсоветским капитализмом. Хотя многие скажут, что это вовсе и не капитализм, и, наверное, будут правы. Но вопрос, подчеркиваю, сейчас не в терминах. Мы настолько мало знаем об этом феномене, что устраивать дискуссии о терминах, сегодня, наверное, было бы преждевременным.

Что же является основополагающими и системными признаками этого социального феномена? Прежде всего, то, что, казалось бы, лежит на поверхности, но, с точки зрения политэкономии, чрезвычайно важно – это

сращивание власти и собственности и концентрация их в руках очень узкой группы одних и тех же элит. Именно это ослабляет дифференциацию элит, потому что политические элиты становятся производными, зависимыми от бюрократических элит, поглощаются ими. То же самое можно говорить о бизнес-элитах и т.д.

Но самое главное, в контексте проблем политического развития и демократии, это приводит к концентрации ресурсов на одном полюсе и чрезвычайно затрудняет процесс входа новых акторов на политический рынок. Даже в тех странах, где существует относительно высокий уровень конкуренции, выход на политический рынок для новых игроков существенно затруднен. Конечно, с этим утверждением можно поспорить, обращаясь к результатам недавних парламентских выборов на Украине. Партия «Свобода», ранее заметная лишь в западных областях страны, неожиданно для многих осуществила мощный прорыв на уровень национальной политики. Казалось бы, этот пример опровергает выше приведенное утверждение. Но своим успехом она во многом обязана внутренним конфликтам внутри правящих элит. Ее самостоятельность не стоит переоценивать. Да и шансов на то, что эту партию, по крайней мере, в ее нынешнем виде допустят к механизмам принятия решений, практически нет.

Концентрация ресурсов в руках узких привилегированных групп серьезно влияет на структуру политического процесса постсоветских государств. В развитых демократиях, как например, в Соединенных Штатах, президентская избирательная кампания начинается всегда с маленьких штатов. Потому что для ее ведения там поначалу нужны минимальные ресурсы. Можно начинать избирательную кампанию лишь узким кругом единомышленников. А деньги приходят уже после того, как проходит подобная «обкатка» тех или иных идей кандидатов, если она доказывают свою востребованность в обществе. В постсоветских системах все происходит наоборот. Даже если у каких-то политиков и групп есть некая

новая политическая идея, то для ее продвижения сначала нужно получить ресурсы, точнее, согласие элит, которые их контролируют на то, что идею можно продвигать в массы. Такое согласие в принципе может быть получено, но, как правило, оно обставляется соответствующими условиями, зачастую обесценивающими смысл первоначальной идеи. В итоге на политический рынок она попадает уже в совершенно ином виде.

Другим следствием для политики концентрации власти и собственности в одних и тех же руках такой модели является то, что на самом деле количество политических и социальных акторов на практике сводится к минимуму. Один российский экономист (не буду называть его имя) в этой связи сделал очень точное, на мой взгляд, замечание. В такой системе акторами являются только те, кто так или иначе включен в коррупционные связи, неважно, в каком качестве. А связи эти носят многообразный характер. Поэтому для остальной части населения, возможно, даже обладающей какими-то идеями, проектами, возможности реального участия в политике практически закрыты, за исключением участия в голосованиях, но которые, как мы знаем, далеко не всегда и не везде позволяют большинству добиться представительства своих взглядов и интересов в органах государственной власти.

Особенность постсоветского капитализма, которую мы описали, предопределяет ориентацию соответствующих политических систем на сохранение статус-кво. Никто не заинтересован ни в каких реформах. Те же, которые власти все же решаются провести, как правило, носят имитационный характер. И не важно, какова направленность предлагаемых изменений. Заинтересованность в сохранении статус-кво, мощнейшее сдерживающее влияние коррупции настолько сильны, что в такой среде никакие реформы по-настоящему не возможны, необязательно либеральные, но и этатистские тоже. Система сохранения статус-кво нацелена на поддержание балансов между большими аппетитами элит и

патерналистскими настроениями масс в условиях определенного объема ресурсов. Чем больше ресурсов, тем больше власти могут позволить себе патерналистской политики, чем меньше ресурсов, тем ее меньше.

Важная характеристика постсоветских обществ состоит в том, что это страны рентного капитализма. Термин «рентный» вовсе не значит, что только страны, обладающие нефтегазовыми ресурсами, то есть имеющие возможность извлекать природную ренту, как то Россия, Азербайджан, Казахстан, являются представителями этой модели. Рентный капитализм предполагает, что он основан на извлечении помимо природной, еще и других видов ренты – бюджетной и административной. Природная рента есть только там, где имеются соответствующие ресурсы. Административная и бюджетная ренты существуют во всех постсоветских государствах, даже в самых наиболее продвинутых с точки зрения процедурной, электоральной демократии.

Рентный капитализм порождает определенный тип политического процесса. Он отличается от демократических обществ тем, что там он носит открытый и линейный характер. Будущее является открытым, неопределенным, а в политическом процессе соревнуются разные альтернативные проекты этого будущего, представленные различными силами. Какая из них выиграет – это открытый вопрос. В постсоветских же обществах господствует циклический политический процесс, как в Средневековья. Этот тип процесса хорошо описан в работах по средневековой политике и истории. События здесь повторяются, завтра похоже на сегодня, сегодня на вчера. Меняются только разные группы у власти. Они обладают различными идеологическими маркерами, но у них одни и те же цели, которые заключаются в доступе к власти и источникам ренты с целью перераспределения их в свою пользу. Это бег по кругу и отсутствие механизмов развития.

Третий важный признак постсоветского социального порядка, как мне кажется, это слабость институтов. Практически во всех странах существуют персоналистские политические режимы, даже там, где до последнего времени многими экспертами на Западе они расценивались как демократические. Я имею в виду Грузию.

Персоналистский политический режим формирует под себя определенную многопартийную систему, где обычно в качестве правящих партий выступают клиентелы тех или иных лидеров. В теме слабости институтов важна не констатация этого, которая сама по себе, конечно же не является новостью для постсоветского пространства. Можно назвать массу примеров о том, сколько раз менялась конституция и институты власти на Украине, сколько – в России, сколько – в других государствах. Но дело не в этом. На мой взгляд, важнее выявить причину такого состояния. И одна из важнейших причин этого в том, что новые элиты не заинтересованы в стабильных институтах. Поскольку рентный капитализм рождает циклический характер политического процесса, сутью которого являются вовсе не реализация стратегий развития, а бесконечное перераспределение ресурсов, то слабость институтов является именно той политической средой, которая позволяет соперничающим элитам максимально полно реализовывать свои устремления. При сильных институтах, с которыми связаны соответствующие правовые нормы, это сделать было бы гораздо сложнее.

В этом контексте представляется, что время от времени возникающие в России призывы к принятию новой Конституции лишены серьезных оснований. Конечно, у ныне действующей Конституции немало недостатков. Но для принятия нового Основного закона страны нужен запрос на стабильные и сильные институты со стороны как элит, так и общества. А его нет. Потому что конституция означает, прежде всего, введение новых норм, процедуры и правил игры. Но их никто не хочет.

Нужно отметить еще одну важную деталь – это клиентелистский, внеинституциональный, патримониальный характер властных отношений, который, строго говоря, и порождает это достаточно популярное, и не только в журналистике, но и в более серьезной литературе, сравнение постсоветских реалий с нефеодальными порядками. Клиентелизм во властных отношениях, безусловно, затрудняет формирование эффективных институтов, поскольку властные отношения основываются исключительно на личных, клановых, межгрупповых связях. В такой среде очень трудно формируются какие-либо устойчивые политические и социальные акторы. Потому что те или иные группы являются устойчивыми, прочными, сильными лишь до того момента, пока их ключевые фигуры имеют доступ к тем или иным видам государственных ресурсов – политическим, административным, финансовым – каким угодно. Как только доступ утрачивается, и группы быстро фрагментируются и распадаются. В результате в такой среде чрезвычайно затруднен процесс консолидации устойчивых, долгосрочных, идеологически ориентированных субъектов политического действия.

Надо упомянуть еще и о такой особенности постсоветских обществ как о системной коррупции. Опять-таки в самой констатации ничего нового нет. Даже масштабы коррупции мало что могут дополнить к пониманию постсоветских систем. Важно подчеркнуть то, что коррупция является своеобразной формой адаптации прежних постсоветских элит к новым социальным и политическим реалиям, интеграции в эти реалии. Благодаря коррупции бюрократические элиты сохраняют ключевые позиции в политике и экономике и одновременно подстраивают под свои интересы политический и экономический порядок. В процессе формирования такого порядка все новые и новые группы вовлекаются в коррупционные связи. В результате практически все общество оказывается вовлеченным в неформальные и теневые практики.

Ключевым элементом постсоветского порядка является постсоветская бюрократия. И не только потому, что она во всех странах реально контролирует основные ресурсы. Причем не важно, являются ли эти государства с преимущественно частной экономикой, или, напротив, государственной. Разница в данном случае касается только способов и методов контроля. Из советской эпохи бюрократия перенесла в новое общество управленческие навыки, вертикальные и иерархические структуры организации, неприятие публичной конкуренции. Со всем этим «багажом» она довольно спокойно интегрировалась в новый порядок. Бюрократия является носителем всех этих практик, управленческих методов и установок. Опираясь на них, она обеспечивает за собой роль доминирующей политической группы.

В этой связи я хотел бы отметить, что единственной страной, где была попытка осуществить выход из постсоветского состояния, до сегодняшнего момента была Грузия. Не потому что там правительство осуществило жесткие либертарианские реформы в экономике. Дело в том, что реально в этой стране была предпринята попытка сломать доминирование постсоветской бюрократии, заменить ее некими новыми лидирующими группами.

Этого не получилось или получилось в весьма ограниченных масштабах. Но, по крайней мере, попытка выхода за пределы постсоветской модели была предпринята. Никакие «оранжевые», «коньячные», «тюльпановые» и прочие революции в других постсоветских государствах такой задачи даже не ставили. Да, на их знаменах были написаны красивые слова про европейский выбор и демократию. Но мы прекрасно понимаем, что с такими политическими элитами это не более, чем дань определенной политической риторике. На практике же интерес новых правящих элит сводился к следующему: дайте нам европейские и американские деньги, которые мы потратим по собственному разумению. А в ответ мы введем

«фасадную демократию»: конкурентные выборы, которые ничего не меняют, не зависящие от правительства СМИ, партии, меняющие друг друга у власти. Но реальные ресурсы при этом, неформальные практики, с помощью которых осуществляется управление обществом, должны оставаться прежними.

Следующий важный вопрос, на котором я хотел бы остановиться в финальной части своего выступления, касается новой повестки дня для постсоветских стран. Она, по-видимому, заключается в том, что сама по себе демократизация, сама по себе электоральная демократия не решают главной проблемы, возникающей на новом этапе – проблемы развития. В подтверждение этого можно привести массу примеров. Так, в 90-е в академических и экспертных кругах господствовали линейные схемы, объясняющие суть происходивших изменений. Считалось, что сами по себе рыночные и демократические реформы и обеспечат модернизацию общества. Потребовалось более десяти лет, чтобы понять, что хотя и связанные друг с другом, но все же разные проблемы. Вряд ли найдется хоть один эксперт, кто будет опровергать утверждение о том, что самым демократическим государством на постсоветском пространстве, опять-таки не считая страны Балтии, является Республика Молдова. По всем критериям это настоящая электоральная демократия, где есть свободные конкурентные выборы с непредсказуемым результатом, не зависящие от государства СМИ, четыре смены власти демократическим путем, без всяких «цветных» революций. И тем не менее, несмотря на все эти успехи, страна по всем параметрам развития является самой отсталой в Европе, даже хуже Албании и Македонии. И нет вообще никаких видов на то, что она может выйти из этого состояния.

Стоит вспомнить и широко распространенные в 90-х годах схемы: больше демократии, меньше коррупции. Мы видели реальный всплеск, прорыв демократии на Украине. Коррупции, однако, меньше не стало. Больше

Грузия же, если отвлечься от неких идеологем, никогда не была демократической страной. Это было государство с мягким авторитарным режимом. Можно спорить о терминах. Но не будучи демократией, Грузия, безусловно, добилась самых заметных на постсоветском пространстве успехов по борьбе с коррупцией, особенно низовой коррупцией.

Какова связь между этими явлениями? Вот ключевая проблема. Это не означает, и я не хочу быть интерпретированным таким образом, что, отрицая такой всеобъемлющую преобразующую роль демократизации в решении проблем развития, я пытаюсь каким-то образом продвинуть идею авторитарной модернизации как некоей альтернативы. Это не так. Как раз двадцатилетняя история постсоветского пространства показала, что не может быть на постсоветском пространстве успешной авторитарной модернизации. Нет примеров. Если авторитарная, то обязательно – контрмодернизация или политика сохранения статус кво авторитарными методами. То, что мы наблюдаем сегодня в России. Наверное, в какой-то мере примером авторитарной модернизации может служить Казахстан, но и это вопрос достаточно спорный. Я думаю, если мы начнем его обсуждать, то вряд ли придем к каким-либо общим оценкам.

Но никакого успешного случая авторитарной модернизации по китайскому, тайваньскому или еще какому-то известному образцу на постсоветском пространстве не существует. И не может быть при таком типе общественного и социального порядка, который утвердился в современных постсоветских странах, потому что он ориентирован на статус-кво. Там нет в повестке дня никакой модернизации, даже если кто-то из руководящих лиц выступает с программными речами об этой модернизации.

Проблема, таким образом, состоит не в выборе между демократией и авторитаризмом, а в том, как найти такие механизмы, чтобы демократизация стала инструментом реального развития, что еще необходимо для того, чтобы постсоветские страны смогли бы осуществить прорыв к иной

парадигме развития вместо нынешнего застойного состояния вечного статус-кво.

Проблема заключается в том, что акторы, которые контролируют ресурсы и участвуют в разного рода теневых и неформальных практиках, не заинтересованы ни в каких изменениях. А субъекты, которые реально были бы заинтересованы в этом, не имеют доступа к ресурсам. Когда они пытаются получить этот доступ, обычно это очень быстро заканчивается, ибо система работает очень эффективно на отчуждение таких групп от ресурсов.

Поэтому первое, что возникает в данном контексте, это проблема субъектности в широком смысле слова. Для перехода к новой модели развития постсоветским странам нужны субъекты плюс ресурсы. Без этого разговоры, планы и проекты модернизации, в общем, так и останутся декларациями о намерениях.

Второе – это проблема поиска адекватных политических практик. Нужны такие практики, которые не сводили бы содержание реформаторской политики лишь к достижению сбалансированного государственного бюджета, не были бы нацелены только на нормализацию экономической и социальной жизни, а создавали бы некие внутренние механизмы развития.

Я снова обращаюсь к опыту Грузии. Утверждают, что реформы там были относительно успешными. Но результат какой? - Страна с третьеразрядной сервисной экономикой и без серьезных шансов выйти на другой уровень развития.

Какими должны быть практики преобразований для выхода из постсоветского состояния? Едва ли они могут лишь слепо копировать идеи и практики 90-х годов (сбалансированный бюджет, «дорогие деньги» и др.) Массированные программы внешней помощи, хотя они, безусловно, важны, сами по себе ничего не решают. У меня нет никаких идей и предложений на эту тему – я хочу лишь заострить эту проблему. И могу предположить, что, видимо, вокруг нее в ближайшие несколько лет, скорее всего, и начнутся

политические, академические и экспертные дискуссии. И, видимо, от того, как эти проблемы будут решены – какие будут найдены стратегии, какие акторы за ними будут стоять, какие они начнут использовать механизмы реализации изменений, от этого в решающей степени и будет зависеть перспективы постсоветских государств.